На Господа уповаю. Из воспоминаний Неонилы Ивановны Антоновой

МОИ РОДИТЕЛИ Отец мой, Корольков Иван Михайлович, русский, из семьи старообрядцев, коренной житель города Елизаветграда (теперь Кировоград). Мама, Марина Филипповна, украинка, православного вероисповедания, жительница деревни Дымино (25 км от Елизаветграда). Родители, вступив в брак, жили в доме дедушки, Михаила Васильевича, где я и родилась восьмым ребенком, шестой девочкой. Гордый, самолюбивый по натуре дедушка очень хотел, чтобы продлился род Корольковых. Он с нетерпением ждал наследников, а рождались в основном девочки. По этой или по какой другой причине повивальная бабка при моем рождении поздравила дедушку с внуком. Радости в доме не было границ! Закипела подготовка к пиру. Какое же разочарование постигло всех в доме, когда выяснилось, что я — вовсе не мальчик, а девочка! С большим нежеланием, и даже, можно сказать, с огорчением, была я принята в семью Корольковых.

РОЖДЕННЫЙ СВЫШЕ Однажды, проходя мимо дома Королевых, мои родители услышали стройное пение. Мама приостановилась.

— Идем! — велел отец. — Это штунды. Было бы при мне ружье, я бы их всех перестрелял!

Через несколько дней они вновь проходили мимо того же дома. И снова из открытых окон лилась приятная мелодия. Папа был большим любителем музыки и на этот раз, остановившись, сам заслушался. Увидев их, из дома вышел мужчина и любезно пригласил войти послушать Слово Божье. Они не отказались.

Непривычной была обстановка, необычными были слова, которые родителям довелось услышать впервые в жизни: «...кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Иоан. 3:3). Проповедь сильно затронула сердце отца, заставила задуматься и даже встревожила его дух.

Собрание закончилось. К озадаченному отцу подошли служители, и он стал расспрашивать о всем, что волновало его. Братья доступно объяснили ему путь спасения. Дух Святой обличил папу во грехах, и он содрогнулся, увидев себя великим грешником. Когда родителей пригласили к молитве, папа в слезах раскаяния просил прощения у Господа. **Как доверчивое дитя, он принял Иисуса Христа своим Спасителем и из этого дома ушел новым, возрожденным человеком.**

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ Дедушка, узнав, что папа «перешел в новую веру», очень ожесточился и выгнал родителей из дома. Не имея жилья, они вынуждены были переехать в деревню к маминому отцу, дедушке Филиппу.

Папа, познав истину, жаждал спасать грешников и всем свидетельствовал о любви Божьей. По вечерам приглашал к себе крестьян, читал и разъяснял им Слово Божье. Вскоре покаялась мамина двоюродная сестра с мужем и некоторые из соседей.

Так в деревне Дымино зажегся светильник Божий — образовалась небольшая живая Церковь. Об этом донесли священнику, а тот, объявив папу еретиком, сообщил представителям власти. Отца стали вызывать на допросы, угрожали арестом и ссылкой. Чтобы осудить его, привлекли много свидетелей, но на очной ставке они запутались в показаниях. Следователь уличил их во лжи и предупредил, что может привлечь к ответственности, а папе сказал: «Идите с Богом, Иван Михайлович, и спасайте грешников, как и прежде!». Оказалось, что следователь был сыном верующей сестры.

Вскоре родители купили дом и поселились в Елизаветграде, где отец принял водное крещение и стал членом церкви ЕХБ. Через время отцу доверили служение благовестника. Но дьявол сильно ополчился на него через маму. Умом она понимала, что делает плохо, но остановиться не могла и в злобе доходила иногда до жестокости. Когда папа молился, она била его раскаленной кочергой. Отец молча терпел. Это еще больше злило маму и выводило из равновесия. «Почему ты молчишь? Бей меня! Мне будет легче!» — бесновалась она. Так продолжалось восемь лет. «Бедная, Марина! — сожалевал папа. — Разве это ты делаешь? Ты стала орудием в руках дьявола...»

Позднее и сама мама с горечью вспоминала: «Действительно, сам дьявол руководил мной».

НОВАЯ РАДОСТЬ Семья у нас была большая, и маме приходилось много работать и по хозяйству, и в доме. Она часто роптала, сердилась на папу, ревнуя его и к Богу, и к Церкви, и к людям.

— Марина, не суетись так много,— не раз останавливал её папа. — Лучше сядь и почитай Слово Божье, оно научит тебя правильно жить.

— Если я буду, как и ты, часами молиться и читать, то нас куры загребут! — раздражалась она.

Благовествуя Евангелие, папа часто ездил в соседние села и по несколько дней не бывал дома. Как-то раз перед Рождеством папа ночевал у друзей.

— Твоя жена по-прежнему далека от Бога? — с участием спросили его.

— Да... — вздохнул папа, — Я уже начинаю сомневаться, что она когда-либо придёт к Богу. Уж слишком крепко дьявол сковал её душу.

— Но ведь Бог сильнее дьявола! Сомневаться грешно.

— Понимаю, но не знаю уже, что делать...

— Давай помолимся. Ведь Господь сказал, что Он услышит, если двое согласятся о чем-то

просить. А спасение души — дело угодное Богу.

Они склонились на колени и горячо умоляли Господа освободить мамино сердце от дьявола. А мама тем временем по-своему приготовилась к празднику: убрала в доме, наварила, напекла. И когда поняла, что делать больше нечего, вдруг вспомнила папин совет почитать Слово Божье.

Дети сильно удивились, увидев маму склоненной над Библией. И хотя из прочитанного она ничего не поняла, но ей почему-то сильно захотелось пойти на богослужение. Она торопливо собралась, попросила старших детей присмотреть за младшими и ушла. По дороге дьявол пугал маму страшными картинами. То ей казалось, что дети опрокинули керосиновую лампу и загорелся дом, то слышался жалобный плач младшего сына. Она даже на ходу выпрыгнула из трамвая и хотела вернуться домой, но какой-то тихий голос успокоил ее и убедил все же пойти на собрание.

В переполненном молитвенном доме мама увидела много знакомых. Но ее вниманием завладел проповедник, читающий Слово Божье: «Почтите Сына, чтобы Он не прогневался, и чтобы вам не погибнуть в пути вашем; ибо гнев Его возгорится вскоре. Блаженны все, уповающие на Него» (Пс. 2:12). Эти слова достигали ее сознания и больно жгли сердце. Мама пришла в ужас, вспомнив, как издевалась над папой, как насмехалась, когда он говорил ей о Сыне Божьем. Не ожидая приглашения к молитве, сразу же после проповеди она упала на колени и горько рыдала, сокрушаясь о своих грехах. Вместе с ней плакала почти вся Церковь, все благодарили Бога за спасение этой души, потому что знали, как долго она пренебрегала Господом и жестоко относилась к мужу.

Так Господь помиловал мою дорогую маму. В этот же вечер отец, возвращаясь из поездки, сказал попутчику:

— Придется, брат, нам сегодня, наверное, померзнуть под окнами. Меня ведь часто жена не пускает в дом. Не раз приходилось и в пургу, и в дождь ночевать под открытым небом...

И все же отец осторожно постучал. За окном метнулась чья-то тень.

— Ваня, это ты? Иду! — послышался ласковый голос, и дверь тотчас открылась.

По лицу и глазам мамы отец сразу же понял, что с ней что-то произошло.

И не успел он ничего спросить, как дети наперебой закричали:

— Папа, наша мама сегодня в собрании была!

— Как долго мы ждали этого радостного момента! — волнуясь, сказал папа и пригласил всех склонить колени. Сердечная молитва благодарности вознеслась Богу за услышанную молитву.

СМЕРТЬ ОТЦА Прошло совсем немного времени и нашу семью постигла большая скорбь. Дети заболели дифтерией. Первой похоронили Дусю, мою старшую сестру. За ней умер четырехлетний Сашенька — отрада всей семьи и особенно дедушки Миши. Соседи злорадствовали и смущали маму: «Это тебе за то, что изменила православной вере!» Но беды не отступали. Неожиданно тифом заболел папа. В предсмертной агонии метался младший брат.

— Коля умер! — припав к постели мужа, причитала мама.

— Не убивайся, в субботу горя будет больше.

— Куда уже больше? Мне и так горько!..

И действительно, в субботу умер папа. Ему было всего 37 лет. Оставшись вдовой с четырьмя маленькими девочками, мама находила помощь и утешение лишь в Господе. Трудностей ее жизни не пересказать.

Мы жили очень бедно, но, благодаря нежной любви и заботе мамы, во всем уповающей на Господа, богатели духовно. Перед сном мама читала нам Слово Божье и мы все молились вслух. Этот святой порядок ввел еще папа, и мы старались его не нарушать. Мама никогда нас не наказывала, потому что слово ее для каждой дочери было законом. По вечерам к маме приходили соседки, и она читала им Евангелие и другую христианскую литературу.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ В 1928 году старшая из оставшихся сестер, Поля, вышла замуж за Яшу Хлистунова. Он воспитывался богобоязненными родителями и, влившись в нашу семью, заменил нам и отца, и брата. Отец Яши был кротким, добрым старичком, и я полюбила его всем сердцем. И вот этого дедушку вдруг посадили в тюрьму! Я долго не могла понять: за что? Его жена — старушка жила очень далеко, поэтому мы с мамой часто носили ему передачи и даже были на свидании!

Помню, как нас впускали в комнату сразу человек 25—30, усаживали по одну сторону сетки и только тогда выводили заключенных. Люди старались перекричать один другого, торопились сообщить самое важное. Шум, крик, слезы, смех, — что можно услышать?! Худые, заросшие, в черных робах, заключенные мало чем отличались друг от друга, и я с трудом узнавала любимого дедушку. Не знаю, был ли в то время в тюрьме такой режим, или дедушка пользовался особым расположением администрации, но по воскресеньям он приходил на собрания, говорил проповедь. А вечером с сумкой продуктов снова уходил в тюрьму. Отбыв срок, дедушка вернулся домой, но прожил недолго. В последний вечер своей жизни он играл на мандолине, пел вместе с бабушкой, читал Слово Божье, а к утру Бог переселил его в Свои обители. Умер дедушка, как и жил — тихо и спокойно. Он оставил добрый пример всем, кто знал и любил его.

ВТОРОЙ АРЕСТ 30-е годы были очень тяжелыми для народа Божьего, так как в 1929 году вышло печально известное Постановление о религиозных объединениях. В результате «деятельность обоих союзов была резко ограничена: были закрыты библейские курсы, прекращен выпуск братских журналов и другой духовной литературы, многие служители и активные верующие пошли в тюрьмы, лагеря и ссылки, и из более чем пяти тысяч общин осталось к середине 30-х годов менее 10 на всю страну. По существу, середину 30-х годов можно считать периодом прекращения существования обоих братских союзов, которые в своем чисто евангельско-баптистском виде уже не возродились». (Из юбилейного доклада Председателя Совета церквей Г. К. Крючкова. См. брошюру «По пути возрождения» стр. 9.)

В Кировоградской Церкви в те годы арестовали более десяти братьев и сестру. Судили их закрытым судом. Даже близкие родственники не знали, когда и куда отправили их и на сколько лет разлучили. Никто из узников тех лет не вернулся домой.

Не дождались мы и Николая Шульгу — мужа моей сестры Ольги, которая осталась с двумя малолетними детьми на руках. Она много писала жалоб, запросов, пытаясь хоть что-нибудь узнать о судьбе дорогого ей человека. И лишь через три года в прокуратуре ей сообщили, что муж умер в Караганде и считается не судимым. За причиненный ущерб выплатили двухмесячную зарплату мужа — и на этом все.

ТРЕТИЙ АРЕСТ Однажды во время занятий в училище меня охватила какая-то тревога. Сердце сдавила боль, слезы невольно текли по щекам. «Наверное, маме плохо»,— пронзила тяжелая мысль. После занятий я почти бегом прибежала домой. Смотрю, плита горит, мама готовит кушать.

«Слава Богу!» — вырвался из груди вздох благодарности. И тут раздался громкий стук в дверь. Я открыла.

— Здесь живет Королькова Марина Филипповна?

Три милиционера и трое в гражданском буквально ворвались в дом. Не предъявив санкции, они приступили к обыску. После долгих бесплодных поисков приказали маме одеться и идти с ними. Больная мама и без того передвигалась, держась за стенку, и вот — новый удар. Страдания моей души трудно передать.

— Не плачь! Разберутся и отпустят! — оттолкнул меня милиционер и не разрешил сопровождать маму.

Мы носили маме передачи в тюрьму, но нигде не могли узнать по какой статье и в чем ее обвиняют. В скорби своей взывали к Господу. И Он, будучи Отцом сирот и вдов, послал нам помощь весьма необычным образом.

Однажды Поля услышала во сне голос: «Пойди в пятую комнату и открой маме дверь». Мы согласились, что это откровение от Господа, но не знали куда идти и где искать эту «пятую комнату». Помолившись, решили, чтобы Поля шла в тюрьму. Там, конечно, ничего утешительного ей не сказали, а посоветовали обратиться в прокуратуру. Придя туда, Поля коротко рассказала о своем горе.

— Зайдите в пятый кабинет! Там все узнаете! — по-деловому, сухо ответила секретарь.

Сердце Поли учащенно забилось: Господь никогда не ошибается! Уверенно она открыла дверь нужного ей кабинета, где увидела следователя, который вел дело мамы.

— Не хотите ли вы взять ее на поруки до суда? — поинтересовался он.

Конечно, Поля согласилась, и следователь помог ей оформить нужные документы. На следующий день мама вернулась домой. Поля действительно открыла ей дверь! Невозможно передать той радости, которая наполнила наше сердце после трехмесячной разлуки. Как мы благодарили Отца Небесного! Как были счастливы!

Через три месяца состоялся суд. Маму оправдали, но человека, который оклеветал ее, арестовали. Верен Бог, Который вступился за сироту и вдову, как и обещал в Своем Слове: «Ты видишь, ибо Ты взираешь на обиды и притеснения, чтобы воздать Твоею рукою. Тебе предает

себя бедный; сироте Ты помощник» (Пс. 9:35).

НОВЫЕ АРЕСТЫ Не успели мы прийти в себя от переживаний по случаю ареста и суда над мамой, как Господь послал новые скорби нашей семье. В конце лета 1940 года арестовали Полиного мужа — Якова Григорьевича, и пресвитера церкви Н. Г. Мартыненко. Семья вдов и сирот вновь пополнилась. Даже Новый год нам пришлось встречать в слезах: по дороге на богослужение арестовали Колю Ищенко, жениха моей сестры Лизы.

К тому времени я закончила педучилище и работала в деревенской школе в Новопражском районе. Ранней весной через сельсовет, срочной телеграммой, меня вызвали к заведующему в районный отдел народного образования. Вокруг еще лежал снег. На дорогах была непролазная грязь, но меня требовали в район во что бы то ни стало. Меня вызывали по делу Коли Ищенко. Его обвиняли в руководстве христианской молодежью, требовали назвать тех, кого он «сагитировал в свою секту». По-видимому, на допросах Коля проговорился о единственной беседе со мной. (**Тогда он обличал меня за увлечение художественной литературой и убеждал читать Библию.**) Я проходила по делу как свидетель и совершенно не знала, как вести себя в подобных обстоятельствах. К тому же, я была еще далека от Бога и могла положиться лишь на свой разум и ложь.

На допросе я отказалась не только от верующих, но сказала, что незнакома и с Колей Ищенко. Тогда следователь спросил, верю ли я в Бога. Слава моему Искупителю, что Он, любя меня, не допустил отречься от Него! Именно в тот момент мне пришли на память слова из Библии: «Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным» (Матф. 10:32—33). Мне стало страшно, и я ответила следователю, что верю в Бога.

— Вы и детей этому дикому фанатизму учите?! — возмутился он.

— Я преподаю по учебникам...

С тяжелым сердцем я возвратилась домой и была очень удивлена: ко мне приехала мама! Господь послал ее утешить меня в такой трудный момент.

Через два дня мама уезжала домой, и я провожала ее далеко за деревню. Был теплый солнечный день. Кое-где пробивалась трава, высоко в небе беспечно веселились жаворонки. Вокруг все ликовало и славило Творца, только в душе моей была тьма. Я присела на пенек. На руку мне опустилась какая-то букашка и, радостно суетясь, словно говорила: «Я тоже славлю Творца, а ты?» А я рыдала от сомнений и внутренней борьбы. Сердце мое было разбито. Дьявол сильно смущал мою душу.

Второй раз меня вызвали на допрос уже в Кировоград. Хозяйка, у которой я жила, посоветовала мне прежде сообщить об этом маме, чтобы верующие молились обо мне. В КГБ меня продержали с 11 утра до 3 часов ночи. Добивались одного: знаю ли я Колю Ищенко. Так как я отрицала это, нам устроили очную ставку. Коля сразу признал меня, а я отказалась. Да его и трудно было узнать, он сильно изменился за три месяца следствия. Протокол ложных показаний на Колю я не подписала. А он, не раздумывая, подписал и попросил меня не упорствовать. Оказывается, его сильно били, и, чтобы скорее закончилось следствие, он был готов на все.

В марте 1941 года состоялся суд. Я благодарю Бога, что мне пришлось видеть мужество, стойкость и верность братьев. Хотя я и проходила свидетелем, мне задали только один вопрос: верю ли я в Бога? Я ответила: «да». Прокурор вскипел.

— Это плоды вашей работы! Это вы отравили ее своим фанатизмом!

Пресвитер молитвенно сложил руки и сказал:

— Благодарю Тебя, Господи, что и эта душа принадлежит Тебе!

Братьев приговорили к расстрелу, но по ходатайству родственников заменили десятью годами лагерей. Заключенных в те годы переправляли из лагеря в лагерь пешком. Пресвитер не выдержал трудностей этапа, и Богу одному известно, где покоится его прах. Но есть надежда, что Господь пробудит его для вечной жизни. А Яков Григорьевич выпил до дна чашу страданий, предложенную Господом. Отбывать срок ему пришлось в Мордовских лагерях, в Потьме.

Как-то раз от сильного физического истощения, потерял сознание, его сочли за мертвого и вынесли в покойницкую, которая стала для него долиной смертной тени. Очнувшись среди закостенелых трупов, он воззвал к Господу: «Тебе все возможно! Ты силен не только вывести меня отсюда, но и накормить, как Илию». На память пришли слова пророка Исаии: «...Не нисшедшие в могилу уповают на истину Твою. Живой, только живой прославит Тебя...» Хотя сам Яша был полумертвецом, бесконечная крысиная возня наводила ужас. Он с отвращением смотрел, как они бегают по трупам и вдруг заметил, что одна из них с трудом тащит мимо него какую-то вещь. Яша вспугнул крысу, и она, к радости, оставила ношу и убежала. Он дотянулся рукой до тряпичного мешка... В нем оказалась пайка хлеба! Яша от неожиданности обомлел. Он долго еще не мог прийти в себя, что Бог так скоро и таким необычным образом приготовил для него еду. Подкрепившись, он напряг силы, подполз к двери и стал стучать. Кто-то из охраны сжалился и открыл.

— Живой человек!

Тут же сообщили врачу, и Яшу положили в больницу. Этот случай был большим свидетельством и для заключенных, и для администрации. Врач так расположился к Яше, что сам кормил его и ухаживал за ним. И все же до конца срока Яша не дожил. Оставалось четыре месяца до освобождения, и Бог отозвал его из неволи в свободу славы детей Своих. Об ужасах, пережитых Яшей в лагере, мы узнали на свиданиях, а о смерти рассказала сестра, которая тоже отбывала срок в тех местах.

Коля Ищенко последние годы заключения отбывал в Магадане. По окончании срока ему не разрешили вернуться на материк. Лизе он прислал вызов и деньги на поездку, но она так и не добилась разрешения выехать к жениху. Вскоре Коля женился на неверующей и до сих пор мертв духовно. А Лиза вышла замуж за узника-христианина, отбывшего десятилетний срок.

МОЕ ОБРАЩЕНИЕ После суда над братьями меня уволили с любимой работы. Это была еще одна рана моему сердцу. Я не находила покоя. Дьявол продолжал терзать мою душу сомнениями. В отчаянии я уже хотела наложить на себя руки, но какой-то страх постоянно удерживал от этого безумного шага. Я вернулась к маме в Кировоград. Она, как могла, утешала меня, что и я

пострадала за Господа, но мне не становилось легче. Мама предложила помолиться и преклонила колени, но мое сердце было ожесточенным, и я не проронила ни слова. И только, когда мама ушла, я стала молиться: «Боже, если Ты есть, откройся мне! Я великая грешница, прости меня! Удали сомнения, подари живую веру!» С облегченным сердцем я встала с колен. На столе лежал христианский журнал, чудом сохранившийся после многих обысков. Я полистала пожелтевшие страницы и остановилась на одной из статей Владимира Филимоновича Марцинковского. Очень убедительно, возвышенным слогом автор говорил о Боге, сотворившем Вселенную и человека. Сердце мое наполнила живая вера: Бог действительно есть! Он любит меня и все сделал для моего спасения! Затем я взяла Евангелие и стала читать то, что открылось. Это была притча о сеятеле. Мне очень захотелось, чтобы сердце мое стало доброй почвой, на которой семя Слова Божьего принесло бы обильный плод. С упоением я читала святые строки о благоразумном строителе и тоже хотела, чтобы мой духовный дом был прочным и созидался только на Иисусе Христе, как на живом камне. Теперь уже никому не нужно было приглашать меня к молитве. В благоговении я склонилась перед Богом и сердечно благодарила за прощение, за утешение. Господь Духом Святым поселился в моем сердце и засвидетельствовал, что простил мои грехи и принял в число Своих детей.

25 сентября 1941 года я вступила в завет с Господом через святое водное крещение и присоединилась к Кировоградской церкви ЕХБ.

ЗНАКОМСТВО С ИВАНОМ ЯКОВЛЕВИЧЕМ Под Рождество 1944 года солдаты, освободив Кировоград от немцев, остались в городе на отдых. Среди них был старший лейтенант медслужбы Иван Яковлевич Антонов. В военное время врачей было мало и люди лечились, как могли. Член нашей церкви Дуся Косенко, была очень больна. Каким-то образом пожилая сестра Гордовая разыскала военных врачей и попросила их помочь молодой девушке. Гордовая сама была инвалидом, ей трудно было идти пешком через весь город. **Она попросила меня сопроводить медработника к больной. Им оказался Иван Яковлевич Антонов.** Дуся была безнадежной и вскоре умерла. Иван Яковлевич впервые присутствовал на христианских похоронах. Ему очень понравилось. Еще раньше Иван Яковлевич в беседе с Гордовой сказал, что его тяготит не только безбожная среда, где он вращается, но и собственные грехи, в которых погряз. Он жадно искал выхода из этого тупика, и сестра Гордовая решила познакомить его с христианами.

Прежде чем познать силу Божью, Иван Яковлевич столкнулся с бесовской силой. Это заставило его задуматься над смыслом жизни. Было это Так. Однажды пригласили его к больной ворожее-прорицательнице. Она предложила ему пачку денег и попросила принять от нее бесовскую силу, чтобы ей скорее умереть. Он отказался. Ворожея в злобе, как коршун, прыгнула на Ивана Яковлевича, но он уклонился и убежал.

Еще в отроческие годы Иван Яковлевич видел необычный сон. Сидит он якобы на зеленой лужайке, залитой ослепительным солнцем. К нему подошел старичок, волосы и борода которого были белы, как снег. И сам он был одет в белое.

— Мальчик, — обратился он к Ивану Яковлевичу, — если хочешь быть хорошим человеком, ты

должен веровать Богу и молиться

С этого момента Иван Яковлевич стал сознательно молиться, но поправославному, как был наставлен в детстве.

Позднее ему попала в руки Библия. С жаждой и наслаждением он прочитал ее за месяц. В 1942 году Ивана Яковлевича мобилизовали на фронт. Кто-то посоветовал ему 24 раза в сутки читать молитву «Отче наш», чтобы миновали все беды и несчастья. Он строго придерживался этого совета, пока не познал истину.

Летом 1944 года, когда мы познакомились с Иваном Яковлевичем, он очень заинтересовался жизнью христиан. Я много молилась, чтобы Господь послал возможность братьям побеседовать с ним. Служителей в то время не было: кого немцы угнали в Германию, кто спрятался.

Однажды прихожу с работы, а в доме два пожилых брата, сестра Гордовая и моя сестра о чем-то беседуют. Оказывается, они ожидали Ивана Яковлевича, который пообещал прийти, но почему-то задерживался. Мы еще раз помолились, чтобы Господь управил его сердцем. Позже я узнала, что он три раза подходил к дому, но какая-то сила удерживала его, и он не мог войти. Господь по милости Своей услышал наши молитвы, и сатана отступил — Иван Яковлевич все же пришел в тот вечер. Братья долго беседовали с ним, а когда стали молиться, Иван Яковлевич тоже склонил колени, но, скорее из-за того, чтобы угодить нам, а не Богу, как он позже признался.

Наш Молитвенный Дом во время войны был закрыт. Молодежь собиралась на общения по квартирам. Иван Яковлевич не раз приходил к нам, внимательно слушал проповеди простых братьев. Дух Святой, касаясь его сердца, обличал во грехах. После одного из таких общений, ночью, он, исповедуя перед Богом свои грехи, покаялся. Господь простил Ивана Яковлевича и освободил от греховных привычек: курения, пьянства. Вскоре на одном из богослужений он засвидетельствовал о своем покаянии открыто. Не стесняясь, плакал и сокрушался о своих грехах, просил у Господа силы нести весть спасения погибающим. Так были услышаны наши молитвы — Иван Яковлевич стал чадом Божьим. Он очень полюбил христианский гимн: «Да, я спасен, спасен я от блужданий...» Город Кировоград стал духовной родиной Ивана Яковлевича, и когда военным дали команду уезжать, ему очень не хотелось расставаться с верующими. Неожиданно я поймала себя на мысли, что это расставание тяжело и для меня.

РАСПЛАТА ЗА ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ Познав истину, Иван Яковлевич свидетельствовал о Господе, везде, даже на передовой линии фронта, где смерть смотрела каждому в глаза. Товарищи сразу же заметили перемену в его жизни. Им трудно было поверить, что он серьезно уверовал в Бога. Главврач даже однажды спросил Ивана Яковлевича:

— Ты совсем сошел с ума или на время?

— На всю жизнь! — ответил Иван Яковлевич. — Я принял ум Христов и хочу жить так, как Он учит.

Когда фронт продвинулся до Минска, Иван Яковлевич разыскал в городе верующих. Познакомившись со служителями, он поинтересовался, можно ли христианам брать оружие? Служители насторожились и ничего не сказали. И только один брат, увидев искренность Ивана

Яковлевича, пригласил к себе и сказал, что этот вопрос каждый христианин решает наедине с Богом. Только Господь даст правильный ответ и научит, как поступать.

В ноябре 1944 года за агитацию и религиозную пропаганду среди солдат и офицеров, Военным трибуналом его присудили к расстрелу. Потом высшую меру наказания заменили десятью годами лагерей и отправили на Север, где он и пробыл до конца срока. Страдания за Господа Иван Яковлевич принял, как должное. Еще раньше, узнав о Кировоградских узниках, он восхищался их мужеством и верностью и сам хотел пострадать за Того, Кто однажды умер за его грехи. Все эти годы я переписывалась с Иваном Яковлевичем, и мы утвердились в решении, что Бог соединяет наши судьбы. Меня не пугало, что он узник. Я готова была разделить с ним трудности и лишения. Наша переписка была под пристальным наблюдением КГБ. И, поскольку Иван Яковлевич был уже в их руках, они заинтересовались мной.

МОЙ АРЕСТ Я предчувствовала, что и мне придется идти путем испытаний, и не чуждалась этой мысли, потому что втайне тоже хотела хоть немного пострадать за моего Спасителя.

Как-то раз под воскресенье мне приснился ужасный сон: иду я со своей сестрой Лизой по залитой солнцем улице, и вдруг проваливаюсь в яму с нечистотами. «Все кончено, я утонула»,— в полном сознании подумала я. Но, к удивлению, вижу — грязь не пристала к моей белоснежной блузке. Проснулась в холодном поту. Молюсь: Господи, что это значит?

Рано утром я собрала тетради с проповедями, духовными статьями, трудами Владимира Филимоновича Марцинковского. Но спрятать все это не успела: задолго до собрания за мной зашел один брат, который раньше никогда к нам не приходил. Собрание в тот день закончилось, как обычно, но по дороге домой случилось то, что на долгие годы изменило мирное течение моей жизни. Я шла с одной сестрой и почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Повернув голову, увидела трех незнакомых мужчин на противоположной стороне улицы. У перекрестка один из них догнал нас и, положив руку мне на плечо, сказал:

— Пройдемте к тем людям, нам нужно поговорить, — указал он еще на троих, стоявших чуть поодаль.

Я все поняла. Шесть человек взяли меня в кольцо и повели домой. Лиза догадалась, что в доме будет обыск и побежала, надеясь хоть что-то спрятать. Но увы! У ворот уже дежурили сотрудники КГБ. При обыске забрали все, чудом уцелела одна Библия. Мне разрешили только помолиться на прощанье. Страдания родных и особенно мамы невозможно передать. Сотрудники КГБ буквально вырвали меня из ее объятий и повели. На улице почти у каждого дома стояли по два-три верующих. Сочувственным взглядом они провожали меня в неизвестность. На сердце было удивительно спокойно, я верила, что Господь силен сохранить меня, как и тысячи узников, пострадавших прежде. Один брат (Ваня Яровенко) провожал меня до самых ворот тюрьмы. Подняв руку к небу, он как бы напомнил мне, куда можно обращаться и откуда ждать помощи.

Так 5 ноября 1950 года передо мной открылись двери политической тюрьмы, на верхних этажах которой размещались следственные кабинеты, а в подвале, куда меня поместили, томились люди. Сон мой исполнился в точности: солнце, воздух, свобода, милые и родные лица остались по ту сторону двери. Действительно, меня опустили в грязную яму, и я горячо молилась, чтобы нечистота преступного общества не запятнала мою душу.

В тюрьме меня в первую очередь обыскали, прощупав каждый рубец на одежде; забрали приколки и поместили в камеру, где сидела одна женщина. Она произвела на меня удручающее впечатление: лицо воскового цвета, глаза провалились в яминах, и сама она скорее походила на скелет. Отсидев десять лет, она была повторно арестована только за то, что осмелилась вернуться на родину.

В камере я прежде всего склонилась на колени и попросила у Господа благословения на новый тернистый путь. Здесь для меня все было сплошной неожиданностью. Нужно было мириться с непривычными для человека порядками: нельзя сидеть спиной к двери, опираться на спинку кровати или стену, вполголоса петь, громко разговаривать, ходить по камере, приближаться к окну. Все это считалось нарушением, и за каждое из них сажали в карцер. В коридоре по мягким дорожкам неслышно ходил дежурный, время от времени заглядывая в «глазок». Я с нетерпением ожидала отбоя, чтобы ночью отдохнуть от волнений, пережитых днем. Но спать не пришлось. Бесшумно открылась дверь, и вошел дежурный. Он молча ткнул пальцем в мою сторону и указал на дверь. Я ничего не поняла.

— Вас зовут на допрос,— шепотом пояснила сокамерница. — Одевайтесь скорее!

Помимо воли неприятная дрожь пробежала по телу, хотя мне казалось, что я готова на все. Я торопливо оделась. Жестами дежурный велел мне заложить руки за спину, пропустил вперед и молча повел по коридору. Открыл дверь. В глубине кабинета за столом сидел следователь. Мне тоже предложили сесть. Уточнив анкетные данные, следователь предъявил мне обвинение по статье 54 пункт 10: «Агитация, связанная с религиозными убеждениями».

— Вы были за границей? — прозвучал неожиданный вопрос.

— Нет.

— Но вы же хвалите жизнь в капиталистических странах!

— Никогда я этого не делала, — совершенно спокойно отказалась я.

— А у меня есть данные, что вы клеветали на наш строй.

— Это ложь, такого не было!

— Что? Вздумали упираться? Ничего! У нас терпения хватит, признаетесь! — гневно выкрикнул он, пуская дым от папиросы прямо мне в лицо.

— Идите в камеру и припоминайте: где, кому, когда и что вы говорили.

Меня сильно озадачили и загадочные вопросы, и поведение следователя. Всю ночь я провела в молитве, пытаясь понять, где же я проявила неосторожность в разговорах. И Господь напомнил. Как-то я прочитала в газете заметку, что в некоторых странах Библия — самая доступная для всех книга. Этим я восхищалась на работе в присутствии сотрудников, хотя до этого служитель предупреждал меня быть осторожной в беседе с неверующими. Под следствием я пробыла пять месяцев. Меня обвиняли в руководстве молодежью, а самое главное — что я вовлекла в секту молодого офицера. И хотя я следователю много говорила о Боге, он не в состоянии был понять,

что возродить человека к новой жизни может только Дух Святой.

— Нет, это сделали вы! — настаивал следователь.

И тогда я сказала:

— Пусть буду я!

17 февраля 1951 года состоялся закрытый суд. В зал не пустили даже 44 маму. Приговорили меня к 25 годам дальних лагерей. Конечно, нелегко было согласиться с этим решением, но я утешалась, что Бог будет со мной и поможет перенести трудности лагерной жизни. Через несколько дней после суда меня вызвал следователь.

— Да, большой срок тебе дали! Не увидишь ты больше своего Ванечку! — пытался он посочувствовать, но в голосе слышалось недоброжелательство.

После суда я еще два месяца пробыла в тюрьме, ожидая ответа на кассационную жалобу, которую подали родные. Но Верховный суд утвердил приговор, и меня этапировали в Харьков.

Во время погрузки в вагон, когда мы стояли окруженные солдатами и конвоирами, я молилась, чтобы Господь послал хоть одного знакомого, сообщить маме, что меня увезли из Кировограда. Бог услышал мою молитву. По перрону проходила верующая сестра, я крикнула ей несколько слов. За это всех заключенных повернули лицом к забору. Удивительно быстро сестра сообщила друзьям, и многие успели еще прийти на вокзал. Конвоиры плечом к плечу стояли по обе стороны, и заключенные, как по живому коридору, проходили в вагон. Несмотря на это друзья, приветствуя, протягивали мне руки; лица их сияли любовью, на глазах у многих блестели слезы...

Я была уже в вагоне, когда подвели маму. Как она постарела! Сердце мое сжалось от боли...

Поезд тронулся и на долгие годы увез меня от родных и близких, от дорогой Церкви, где я всегда отдыхала душой, чувствуя преддверие Неба.

НА ПЕРЕСЫЛКЕ В первый же день, как только я прибыла в Харьковскую пересыльную тюрьму, дежурный, открыв кормушку, позвал:

— Королькова, на выход! Возьми с собой мешок!

Я подумала, что он шутит и взяла сумочку.

— Я тебе сказал, бери мешок! В сумку не поместится!

В то время передачи принимались без ограничения веса.

— Ты, наверное, верующая?

— Да. А что?

— Сразу видно! Один баптист появился — и успевай принимать передачи! Ты только прибыла, как они разыскали тебя?

Позже я узнала, что мои две сестры приехали в Харьков тем же поездом, что и я. Они и

сообщили друзьям, которые проявили очень много заботы и любви ко мне. Это послужило добрым свидетельством для неверующих, а также ободрило меня.

Большую транзитную камеру заполнили арестантами так, что негде было спать. Люди сидели на полу. Но обо мне позаботился Отец Небесный — в углу камеры нашлось место, где я могла даже прилечь. Я понимала, что нужно помолиться перед сном, но не могла превозмочь стыд.

«Ляг под одеяло и молись, Бог услышит тебя и там!» — настаивал лукавый голос. А другой обличал: «Тебе 25 лет сидеть, и ты все это время будешь стыдиться молиться? Посмотри, как люди сквернословят, хулят Бога, не стесняясь...» Слава Господу, Он дал мне силы повиноваться второму голосу!

Среди заключенных в те годы было много верующих разных исповеданий. Как-то завели к нам 92-летнюю настоятельницу православного монастыря. Ее тоже осудили на 25 лет. Старушка не могла уже передвигаться без посторонней помощи. За ней ухаживала монашка (в то время их очень много было в тюрьмах). Несколько раз я делилась с бабушкой продуктами, и она с радостью принимала, называя меня ласковыми словами.

— Веришь ли ты в Бога? — участливо спросила она меня как-то.

— Верю и люблю моего Господа.

— А в церковь ты ходила?

— Да.

— В какую?

— В живую.

— О-о, ты, наверное, баптистка?! Мне нельзя с тобой разговаривать! — испуганно перекрестилась игуменья.

— Почему? Если я заблуждаюсь, укажите мне верный путь.

— Нет, нет! — отстранилась от меня бабушка. — Хоть ты и добрая, и хорошая, но ко мне больше не подходи и не разговаривай!

Мне было жаль эту искреннюю, но неверно наставленную старушку. Вначале июня меня перевезли в Киев, а в конце августа я была уже в Комсомольске-на-Амуре. Трудностей и ужасов этапной жизни не опишешь. Только дьявол может научить людей такому страшному искусству издеваться над себе подобными. Работать приходилось на пилораме, в открытых шахтах, при 50-градусном морозе вручную рыть глубокие траншеи, разгружать вагоны с мерзлыми шпалами, под тяжестью которых мы нередко падали. Мучительно медленно тянулись дни моего изнурительного заключения. А впереди таких безрадостных дней — тысячи...

Я посчитала величайшим преступлением оставлять в силе наше обещание и написала Ивану Яковлевичу, что освобождаю его от слова, данного мне. Но он ответил: «Предоставим нашу жизнь Господу...» Как-то меня вызвал оперуполномоченный и раздраженно спросил:

— Откуда ты взялась такая молодая верующая? Мы в 30-е годы всю Украину очистили от этой нечисти!

— Если вы имеете в виду Церковь Христову, то глубоко ошибаетесь! Я знаю, что вы умертвили тысячи верных детей Божьих, но на их место станут новые подвижники! Господь сказал, что врата ада не одолеют Церковь Его...

В 1955 году меня переправили в Красноярский край, поселок Таежный. Работая на расщеплении слюды, я не раз вспоминала народ Израильский в Египте, когда им не давали соломы, а норму кирпичей оставляли ту же.

Переписка с Иваном Яковлевичем везде служила поводом для бесед и допросов. И здесь меня вызвал оперуполномоченный и спросил:

— Кто такой Антонов?

— Мой жених.

— Лагерный?

— Нет.

— А он в здравом уме?

— Я вас не понимаю.

— Умный человек не напишет такого: «Очень рад за тебя и благодарю Бога за возможность пострадать за Господа». Разве может здравомыслящий человек радоваться, что его невесте дали 25 лет?!

— Вы человек неверующий и не можете понять этого...

— Послушайся мудрого совета: оставьте вы свою веру в Бога и заживете настоящей жизнью!

— Прозябать во зле и в грехах?! И это вы считаете настоящей жизнью? Я еще на свободе поняла, что жизнь без Бога — сплошное несчастье, а то, что услышала и увидела здесь — укрепило во мне желание всем существом держаться Бога.

— Ну и держись! А письмо-то от Ивана Яковлевича тебе отдать?

— Конечно, оно мне очень дорого.

— Ладно, бери читай! — раздобрился он.

В этом же году мне пришлось перенести еще один трудный этап в Мордовские лагеря, в Потьму, где когда-то умер Яков Григорьевич, муж моей старшей сестры.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА В Потьме я работала в швейной мастерской: разбивала вату для военных курток. Однажды в рабочее время в цех вбежал отрядный и с ним двое военных. Они что-то спросили у мастера, и та указала на мой стол.

— Ты Королькова? — подошел отрядный.

— Я. Что случилось?

— К тебе приехал жених. Вам разрешили свидание на два часа...

Всего можно было ожидать, но только не этого! После 11-летней разлуки мы с трудом узнали друг друга и тут же склонили колени перед любящим Отцом, Который сохранил нас в этом бушующем море...

Оказывается, в августе 1954 года Ивана Яковлевича освободили, а через месяц, в северных водах, он принял крещение. Мгновением показались нам два часа. Но Господь расположил сердце начальника, и он продлил свидание на три дня. Утром меня заводили в комнату, а вечером выводили. Иван Яковлевич ночевал на вахте. Нам было о чем говорить. Поражения и победы — все всплыло в памяти. Мы делились своими переживаниями, время от времени склоняя колени перед Всевышним. У Ивана Яковлевича была с собой Библия, и мы утешались Словом Божьим, с жаждой читая главу за главой. Словно на Небе побыла я в эти дни. Господь ободрил, укрепил и утешил меня. Закончилось свидание в Рождественский вечер, 7 января 1955 года. Попрощавшись с Иваном Яковлевичем, я возвращалась в барак. Холодная, щемящая тоска невольно закрадывалась в сердце. Мне так захотелось на свободу, домой, в Церковь... В лунном свете мягко серебрился снег, напоминая о прекрасной жизни в небе, где не будет разлук и слез.

«Боже мой! — повторяла я снова и снова. — Укрепи меня, утешь! Ведь впереди еще долгих двадцать лет!..»

НА СВОБОДУ! Каждую неделю старший лейтенант читал нам лекции на политические темы, но никто из заключенных его не слушал. Сидя на нарах, женщины читали, писали, шили, вышивали и даже спали. Это ничуть не волновало лектора. Но один раз он все же заинтересовал нас.

— Я принес вам радостную новость! — бодро сообщил он.

Женщины моментально оставили свои занятия и насторожились.

— Как только зацветут сады, многие из вас поедут в родные места встречать весну на свободе! — сказал лектор при удивительной тишине. — Из Москвы выехала комиссия...

И действительно, через несколько дней за зоной, в помещении клуба, комиссия начала работу по пересмотру дела каждого заключенного. Подошла моя очередь. На меня сначала накричали:

— Агитатор! Враг народа! Тебя расстрелять надо!

Я стояла, как обреченная, и думала, что свободы мне не видать...

— Несмотря на то, что ты враг народа,— неожиданно повернулся ко мне один работник, — советское правительство гуманно, и мы освобождаем тебя, только прекрати свою преступную деятельность...

Втайне я лелеяла мысль о досрочном освобождении, и когда это случилось, сердце мое затрепетало от радости. 21 мая 1956 года Господь заботливой рукой расторг мои узы. По дороге домой я заехала в Москву, где меня встретил Иван Яковлевич и познакомил с родственниками. Мы договорились о предстоящем браке, а через два дня я была уже в Кировограде. Так, спустя

пять с половиной лет я снова склонила колени вместе с мамой и от всей души благодарила Господа за милости, явленные нам в эти нелегкие годы испытаний.

СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ 30 декабря 1956 года Господь исполнил наше желание — состоялось наше бракосочетание в Церкви. Призывая благословение на нашу совместную жизнь, Иван Яковлевич молился: «Господи, насыти нас милостью Твоею, и мы будем радоваться и веселиться во все дни наши. Возвесели нас за лета, в которые мы видели бедствие!..»

Не сбылись предсказания работников КГБ и администрации лагеря. Несмотря на все злые умышления Господь не только сократил срок моего заключения, но и соединил наши судьбы.

После брака мы поселились в Кировограде, в родительском домике. В комнате жили мы, а на кухне — мама. И хотя мы были бедны материально, нашим богатством был Спаситель, наполнивший наши сердца миром, взаимопониманием и любовью. За годы совместной жизни в нашем доме никогда не было ссор, крика, перебранок. Иван Яковлевич ни разу не повысил на меня голос. Кто-то, может не поверить, но это на самом деле так. Я не помню, чтобы Иван Яковлевич был когда-нибудь недоволен мной или требовал во что бы то ни стало угодить ему. Он всегда и всем был доволен. Правда, были случаи, когда я была недовольна им. Но Господь научил меня никогда не высказывать обид в момент огорчения. Я ждала, когда в душе все утихнет, и потом спокойно говорила ему, чем недовольна. Он обычно объяснял причину поступка или слов, из-за которых произошло огорчение, потом мы преклоняли колени, молились, и дьяволу не было места в наших сердцах.

Был такой случай. Иван Яковлевич должен был привезти топливо. Я думала, что в это утро он совершит только краткую молитву. По крайней мере, я бы так поступила. Но он, как всегда, стал читать Слово Божье.

— Ваня, ты думаешь идти на склад? Уже десять часов, пока доберешься, там ничего не будет.

— Будет и топливо, и транспорт,— спокойно ответил Иван Яковлевич и продолжал читать.

Я засомневалась и решила проверить, кто же из нас будет прав. Из дому он вышел только в 11 часов! И что вы думаете? — Вскоре топливо было во дворе! Так всю нашу жизнь мы учились доверять Господу.

Бог подарил нам сына и двух дочерей, которых мы старались воспитывать в страхе Божьем. Каждый вечер у нас было получасовое семейное собрание. Мы пели, читали Слово Божье, дети рассказывали стихи, потом все молились вслух и ложились отдыхать. Работал Иван Яковлевич на кирпичном заводе грузчиком и сильно подорвал и без того слабое здоровье. Однажды у него отнялись ноги, и его увезли в больницу. Врач сказал, что болезнь серьезная, но по молитвам Церкви Господь исцелил его.

Большим испытанием для меня была также болезнь сына. Я металась и долго искала помощи у врачей и ослабела духовно настолько, что не могла молиться. А Иван Яковлевич все это время уповал на Бога и напоминал мне, что нужно искать помощи только у Господа. И он был прав. После всех мытарств по больницам и врачам Господь исцелил нашего сына только по молитвам Церкви.

ТЯЖЕЛЫЙ ПЕРИОД В конце 50-х — начале 60-х годов верующие в нашем братстве переживали особенно трудный период. За духовной жизнью Церкви был установлен жесткий контроль, вводились ограничения. Иван Яковлевич проповедовал тогда в Кировоградской Церкви. В общине его любили.

Однажды сотрудники КГБ предупредили его, что он не может проповедовать, не имея разрешения от уполномоченного. После этого в общину приехал старший пресвитер и на членском собрании спросил Ивана Яковлевича:

— Будешь ли ты нести служение в церкви согласно «Положению»?

— На этот вопрос я отвечу вам наедине,— сказал Иван Яковлевич.

— Отвечай сейчас! — Буду проповедовать согласно Слову Божьему.

— Братья и сестры! Иван Яковлевич не сможет больше проповедовать, потому что ему не разрешит уполномоченный,— объявил старший пресвитер.

— А что это за «Положение»? — робко спросил кто-то из рядов.

Старший пресвитер на это ничего не ответил и закончил членское собрание. Как в насмешку, уполномоченный выдал регистрационное удостоверение проповедника глубокому старцу, который с трудом говорил. А тем, кто ходил в страхе Божьем и назидал Церковь, не разрешали проповедовать.

Когда же в нашу общину приехал работник ВСЕХБ из Житомирской области Д. Д. Шаповалов, он не только проповедовал и пел соло, но проводил даже членское собрание.

— Братья и сестры! Ваша Церковь под угрозой закрытия! — громовым голосом объявил он. — У вас появились братья, которые собирают вокруг себя молодежь и внушают им не подчиняться властям и не слушать старших пресвитеров. Уполномоченный сказал, если вы не исключите этих людей, ваш Молитвенный Дом закроют, а всех непокорных привлекут к ответственности.

В рядах послышались стоны, вздохи, рыдания...

— Кто за то, чтобы их исключить, встаньте!

Поднялись все, даже близкие родственники. И никто не поинтересовался, кого будут исключать из Церкви. И только на следующем членском собрании назвали фамилии. Среди них был Иван Яковлевич. Жен этих братьев взяли на замечание. Перенести этот удар было гораздо труднее, нежели узы. Из глубины наших сердец вырывалась молитва: «Прости им, Отче, ибо не знают, что делают». Скорбно было видеть простодушных, которых так легко ввели в заблуждение. Многие из них до сих пор не могут выбраться из этих сетей. Мы посещали собрания до серьезного разговора с пресвитером:

— Уполномоченный требует списки членов, и я не знаю, вносить вас в списки или нет. Вы думаете просить прощения у Церкви?

— В чем нам нужно каяться? — недоумевали мы.

Он помолчал, а потом признался:

— Поймите меня, я не хочу из-за вас идти в тюрьму...

— В таком случае не вносите нас в списки. У Бога из книги жизни наши имена никто не вычеркнет!

После этого от нас почти все отвернулись, не хотели не только приветствовать, но и здороваться. В добавление ко всему нас обвинили в разделении общины. Воистину мы стали отделенными, но только не от братьев и сестер по вере, а от всего греховного, что внедрялось в жизнь Церкви. Вина за это отделение в основном падала на Ивана Яковлевича. Не сегодня-завтра должны были начаться аресты. Зная, что удел Церкви — гонения и страдания, мы согласны были лучше снова идти в тюрьму, нежели умереть духовно.

В 1961 году по всей стране были разосланы послания Инициативной группы с призывом к очищению и освящению Церкви. Наша община восприняла этот призыв с радостью. Мы готовились к аресту, но тут приехали служители Инициативной группы и предложили Ивану Яковлевичу оставить работу на производстве и нести служение в братстве. Воспрепятствовать этому я не решалась и, уповая на Бога, осталась с тремя маленькими детьми в большой материальной нужде.

После ухода Ивана Яковлевича, в нашей Церкви прошли аресты. Двух братьев осудили на пять лет с конфискацией имущества, а сестру — на три года. Хотя за нашим домом велась слежка, Иван Яковлевич все же изредка приезжал. Но в ноябре 1965 года не успел он переступить порог, явился участковый милиционер и увел его в отделение. На этот раз Ивана Яковлевича не арестовали, а заставили устроиться на работу. Через месяц он снова ушел на труд, и в ноябре 1966 года был арестован. В наручниках, под конвоем, его привезли из Донбасса в Кировоград. Продержали трое суток в КГБ и заставили устроиться в облпсихбольницу санитаром.

8 марта 1969 года в нашем доме прошел обыск. Изъяли всю духовную литературу и арестовали Ивана Яковлевича. Осудили его по ст. 138 часть II на три года лишения свободы.

С 8 марта 1969 года по 22 октября 1971 года он находился в заключении в Кировограде и на пять месяцев раньше срока был освобожден.

19 декабря 1977 года Ивана Яковлевича осудили по ст. 114 часть I УК УССР на год.

29 июня 1979 года его арестовали четвертый раз и осудили по ст. 114 часть II на два года строгого режима. Отбывал в г. Белая Церковь.

Для детей разлука с отцом всегда была трудной. Хотя они и выросли без него, все же очень любили и скучали. Свою боль и тоску они доверяли только письмам, которые отсылали отцу в узы.

В августе 1981 года семью узников пополнил и наш зять. Он отбывал срок в Черкассах, в очень тяжелых условиях. А в феврале 1982 года по следам отца пошел и наш верующий сын. Суд приговорил его к трем годам лагерей общего режима.

14 мая 1982 года в Кривом Роге в пятый раз арестовали Ивана Яковлевича и в ноябре осудили на

пять лет лагерей и пять лет ссылки с конфискацией имущества. Принадлежащую ему часть дома оценили в 2392 рубля, прибавив к ним 168 рублей за производство технической экспертизы. Тяжело было не только провожать в узы родных, но и расставаться с духовной литературой, которую мы постоянно прятали и берегли, как самое большое сокровище.

25 декабря 1982 года возвратившись домой, я пришла в ужас: полный двор милиции и людей в гражданском. Прямо на земле лежат книги, журналы, брошюры...

— Зачем вы изымаете духовную литературу? — не выдержала я.

— А почему вы прячете ее в тайниках? Ведь мы хоть из-под земли достанем!

— Только из-за вас мы не можем держать ее в шкафу!

Через несколько дней после этого вместе с поздравительными открытками от друзей мы получили письмо вульгарного содержания. Адресат требовал выслать 1,5 тысячи рублей, в противном случае Ивана Яковлевича угрожали распять на кресте, а над дочерьми совершить насилие. Мы не ответили. Получаем второе письмо. На этот раз на почтамт г. Киева нужно было выслать уже две тысячи! Фамилия, имя и отчество адресата были указаны. И снова угроза: «Если не вышлете, устроим варфоломеевскую ночь». Я ответила злоумышленникам: «Исполнить ваше требование не можем, так как не располагаем такими деньгами. А с нами можете делать, что Господь позволит. Смерти мы не боимся, потому что верим в загробную жизнь». С тех пор нас не беспокоили.

Последний пятилетний срок Иван Яковлевич отбывал в г. Кызыл. *(О пережитом в этот период читайте «Вестник истины» № 3-4, 1987 г. стр. 44-53.)* Отбывать пятилетнюю ссылку Ивана Яковлевича отправили в Красноярский край, поселок Северо-Енисейск. Сначала он жил в общежитии. Когда я приехала к нему с одним братом, мы кое-как нашли приют в доме одного алкоголика. Обрадовавшись крову, хотели совершить Вечерю Господню, помолиться вместе. Но хозяин оказался добрым, пока был трезв. А когда напился, нам не нашлось места в его доме, и мы вынуждены были уйти в тайгу. Там, под сенью огромных сосен, провели общение, прославили Господа за путь скорбей, за радость встречи.

Вскоре мы купили в поселке Тея небольшой домик, за который бессчетно раз благодарили Бога. Как мы были рады тишине, спокойствию! Нам никто не мешал читать, молиться, беседовать. За время нашего пребывания в Тее три женщины, обратившись к Богу, приняли крещение.

5 ноября 1989 года Ивана Яковлевича досрочно освободили из ссылки, и мы уехали в Кировоград. А в нашей хижине поселился брат, изъявивший желание возвещать о Господе в этом суровом крае.

Все эти трудные годы живое участие в нашей судьбе принимали многие дети Божьи. Своими молитвами, посылками, письмами они ободряли, утешали, укрепляли нас в уповании на Господа.

Свое повествование хочу закончить словами христианского гимна:

Хоть крест мой бывает тяжелым,

Благодать мне сил дает;

Хоть буря бушует и воет,

Но вблизи — Христос Господь.

Колючки кругом не острее,

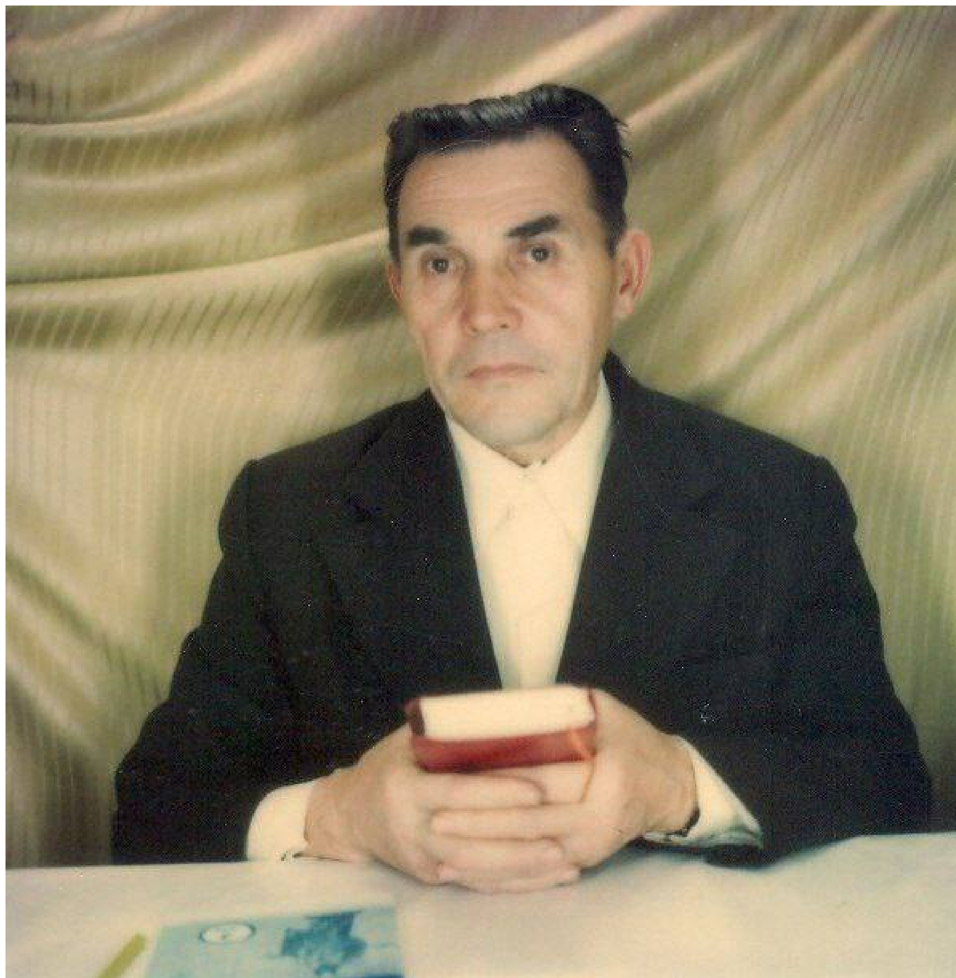
Чем шипы в Его венце;

Страданья мои не сильнее,

Чем Иисуса на кресте.

Фотографии

Приятно встретиться с христианином, от которого веет любовью. От общения с таковым получаешь большое наслаждение. Даже в разговоре с ним чувствуется неземное веяние любви. Но стоит вникнуть, каким образом он достиг такой победы, то убедимся, что зачастую это люди, пережившие много страданий. В огне испытаний созрел этот мирный плод праведности. Подобно садовнику, очищающему и обрезывающему ветви, наш Спаситель Иисус Христос долго и упорно работал над их душами.

И. Я. Антонов: «1 января 1978 года, рано утром, находясь в тюремной камере, мне захотелось открыть форточку, но нашлись возражающие, и я не открыл. А в это время, наша молодежь, недалеко от тюрьмы пела для меня христианские песни. Многие заключенные с наслаждением слушали, удивляясь, откуда такие красивые мелодии».

Это было 30 лет назад.

И.Я Антонов: "В 1991 году, 25 сентября, когда я, отбыв пять лет лагерей и полтора года ссылки, был по помилованию уже на свободе, Президиум Кировоградского областного суда вынес следующее постановление: "Приговор в отношении Антонова Ивана Яковлевича отменить и делопроизводство прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления". Я был признан необоснованно осуждённым и подлежащим реабилитации".

На фото: встреча И. Я. Антонова, последнего узника нашего братства в СССР.

Биографии братьев и сестёр из МСЦ ЕХБ: Двенадцать лет разлуки перед вступлением в брак (Н.И.Антонова)

Комментарии
